КАРАЙ ЦАРЕВИЧЬ И БУЛАТЪ МОЛОДЕЦЪ.

Богатырская сказка.

Славное славному, могучее могучему а удалое удалому.

Подъ нѣкоимъ царствомъ, бокъ о бокъ съ Индѣйскимъ государствомъ, жилъ былъ Царь Ходоръ, по прозванію оловянное ухо. У царя Ходора былъ одинъ только сынъ, Карай Царевичь, а у Карая царевича одно только помышленіе, одна думка: ѣхать за лѣса моря далекія, за горы высокія, на людей посмотрѣть и себя показать и воротиться во своясы со княжною прекрасною, потягавшись да помѣрявшись съ чудищемъ великанищемъ силами молодыми, копьями удалыми и когда Карай царевичь сталъ на возрастѣ, да побывалъ въ наукѣ богатырской, сознался, у стараго, да у бывалаго, со щитомъ да съ мечемъ, тогда сталъ онъ проситься у Царя

Батюшки за море, повитяжествовать, глянуть за ворота царства своего и закалить булатную, разъяренну грудь въ холодкѣ чужемъ, подъ синимъ шатромъ.

Поди, сказалъ Царь Ходоръ оловянное ухо, не дослышавъ куда Карай Царевичь просится, поди, погуляй, да скорѣе опять приходи. Да безъ дядьки не ходить!

Тогда Карай Царевичь пошелъ на конюшни Царскія, и сталъ выбирать себѣ жеребца по рукѣ, по мысли своей, прошелъ уже по всѣмъ стойламъ, не выбралъ ни одного: что руку ни положитъ ему на холку, либо на крестецъ, то жеребецъ палъ какъ палъ на колѣни - самъ заржетъ ярымъ голосомъ, да ужь для Карая Царевича не годится. Пусть бы ржалъ, когда бы ляшками его пожалъ, а отъ руки палъ, такъ ужь не рука Царевичу такой жеребецъ. Тогда Карай Царевичь взялъ тугой лукъ Кабульскій, съ золоченой прописью, взялъ калены стрѣлы тростниковыя, пернатыя, что перены были летками орлиными, да

пошелъ во чистое поле, не то кличь кликать, не то горе мыкать.

И вышедъ въ чистое поле, на вольную волю, видитъ онъ, летитъ лебедь бѣлъ, что не пилъ не ѣлъ, изъ за-тридевять земель летѣлъ. Карай Царевичь вынулъ любимую стрѣлку свою съ булатнымъ клювомъ, и вытянулъ ее по самое копейцо и пустилъ подъ лебедя того, приговаривая: а и вышиби стрѣла, орлинымъ перомъ перена, лебедю бѣлому ширококрылому, долгоперому, вышиби ему третіе маховое правильное перо изъ лѣваго крыла, да покажи ему, лебедю, чтобы горе, тоску разогналъ, мнѣ коня по помышленію моему указалъ, не то пошлю я другую стрѣлу по душу, ему лебедю бѣлому!

И лебедь бѣлый, путникъ смѣлый, человѣчьимъ гласомъ возговорилъ: спасибо Карай Царевичь, что ты меня не погубилъ а помиловалъ; иди же теперь туда, гдѣ стрѣла твоя упала, тамъ найдешь, чего ищешь.

Пошелъ Карай Царевичь за стрѣлой своей за пернатою, зашелъ истинно въ тридевятое Царство, гдѣ всякіе и премудры

доморощенные чудеса словно у насъ въ парникахъ огурцы ростутъ и, примѣромъ сказать; скатной жемчугъ и цвѣтной янтарь уполовниками съ моря тихаго собираются, а бирюза и яхонтъ и каменья самоцвѣтные лопатами нагребаются, а все еще стрѣлы своей не нашелъ. И проходя въ раздумьи и въ тоскѣ по мимо каменной горы, что жилы золотыя, самородковыя словно пальцы изъ подъ слоевъ породистыхъ выказывались, слышитъ онъ стонетъ человѣкъ въ горѣ, а его не видать. Обозвался Карай Царевичь съ невидимкою, допросилъ его и узналъ, что сидитъ въ горѣ живой человѣкъ; а стрѣла Карая Царевича, со булатнымъ клювомъ, пробила ту гору каменну, кремневую, да поранила невольника подземнаго. Карай Царевичь отворотилъ плиту не величку, и всего-то съ простѣнокъ продольной грановитой палаты и увидалъ, - коли кто видѣлъ, - какъ вырѣзанъ на мѣди, да напечатанъ въ извѣстномъ жизнеописанiи своемъ, Французскiй Ванька Каинъ, Картушъ, со шляпою на головѣ, за зелѣною рѣшеткою - увидѣлъ говорю Карай

Царевичь такогоже человѣка, за желѣзною рѣшеткой за малымъ оконцемъ. Тогда Карай выломилъ рѣшетку и вытащилъ оттолѣ плѣнника, а тотъ ему отвѣтъ держалъ, рѣчь говорилъ, самъ поклоны въ поясъ клалъ.

Я, говорилъ онъ, славный разбойникъ Булатъ молодецъ и засаженъ сюда въ склепъ подземный твоимъ батюшкой, который на меня прогнѣвался за то, что я учинилъ самовольное шабашьице, да перебилъ у него съ охапку мѣщанъ, съ три короба купцовъ, да честныхъ горожанъ. А за услугу твою, Карай Царевичь, вотъ тебѣ твоя любимая калена стрѣла, и ступай, куда скажу, найдешь ты себѣ коня по мысли, коня, на которомъ я разбой держалъ 12 лѣтъ.

Да нешто страны эти при царствѣ и подъ державою моего батюшки? спросилъ Царевичь, и дивился, что Царь Ходоръ оловянное ухо, родной отецъ его, знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ о такихъ богатствахъ.

Поди ты въ чистое поле, продолжалъ Булатъ, тамъ ты найдешь по моей волѣ три дуба зеленые, стоятъ они середи травы, по той травѣ ведутъ три тропы: подъ дубами есть чугунная дверь, на дверяхъ мѣдное кольцо; подъ чугунною дверью сидитъ конь мой въ конюшнѣ каменной, за двѣнадцатью дверьми стоячими, за двѣнадцатью замками висячими, отбей замки и конь молодецкій твой.

Учинилъ Карай Царевичь по сказанному, что по писанному, вывелъ изъ подъ двѣнадцати дверей стоячихъ изъ подъ двѣнадцати замковъ висячихъ, изъ подъ трехъ дубовъ зеленыхъ, и повелъ травой, торной тропой, жеребца удалаго, который не присѣдалъ, не гнулся, подъ тяжелой рукой Царевича, а послышавъ сѣдока по себѣ, взыгралъ радостно и Царевичь прозвалъ его за это Граемъ(по цыгански конь называется Грай). Какъ сѣлъ Царевичь на коня своего Грая, конь Грай разсержается, отъ сырой земли отдѣляется, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго подымается, долы и горы межъ ногъ

пропускаетъ, мелкія рѣки хвостомъ устилаетъ, а по глубокимъ челномъ живымъ проплываетъ черезъ болота широкія перепрыгиваетъ и ногами не подрягиваетъ. Стой! закричалъ Булатъ молодецъ Царевичу Караю, послужилъ ли я тебѣ? Царевичь осадилъ коня, услышавъ голосъ пріятельскій и увидѣлъ передъ собою Булата. Хорошо отслужилъ, отвѣчалъ Царевичь; и я впередъ твой слуга. Нѣтъ, молвилъ Булатъ молодецъ, кабы ты меня не выпустилъ, тамъ бы меня и черви поточили, и то уже, вишь моль на мнѣ волоса поѣла, крысы закаблучья обглодали, я твой слуга, Царевичь, а не ты мой: за мною три службы. Слушай: въ тѣ поры, когда я тебѣ нуженъ буду, когда тебя самаго себя на какое дѣло не станетъ, то молви только: гдѣ-то мой Булатъ молодецъ? и я передъ тобою. Самъ же Булатъ крикнулъ, свиснулъ: сивка, бурка, вѣщая коурка, стань предо мной, какъ я передъ тобой, сивка бурка тутъ, словно съ дуба спрянулъ - Булатъ ему въ одно ухо влѣзъ, въ другое вылѣзъ, наѣлся напился, молодцемъ

перекинулся, съ Царевичемъ простился, самъ своимъ путемъ въ дорогу пустился.

Царевичь теперь только спохватился дядьки, да припомнилъ наказъ государя своего батюшки, царя Ходора оловяннаго уха, безъ дядьки въ путь не пускаться. И такъ, прискакавши въ три годины со причасками на царскій дворъ, вызвалъ царевичь дядьку своего и съ нимъ вмѣстѣ пустился уже по своимъ стезямъ, по бывалымъ путямъ, да заѣхалъ снова въ даль далекую, въ темь глубокую, въ лѣса кедровые, подъ шишки сосновые, подъ орѣхи кокосы, гдѣ люди наги и босы, гдѣ есть гады въ обхватъ толщины, да змѣи, по сту саженъ длины; гдѣ человѣки въ плечѣ по глазу имѣютъ, чревомъ снѣдь ѣдятъ, а для ради единаго перевѣсу на ходу, главу по сверхъ шеи своей носятъ. Тамъ-то знойные жары путника сокрушаютъ, тамъ-то и Царевичь нашъ съ дядькою теперь пропадаютъ.

Промежъ лѣсу высокаго, подъ гнилыми колодами, нашли они наконецъ, измаявшись такъ, что хоть бы Господь по

душу послалъ, такъ отдать бы ее въ тужъ пору - нашли яму глубокую, копань темную. Надо быть это колодезь, сказалъ царевичь, полѣзай туда, дядька, я пущу тебя на арканѣ, не наберешь ли воды? Нѣтъ, Карай царевичь, сказалъ дядька его, я тебя потяжеле и тебѣ меня, чай, не удержать; давай я тебя опущу, такъ это дѣло; ты же меня и помоложе. Царевичь послушался, полѣзъ, привязавъ себѣ арканъ за поясъ, напился воды и зачерпнулъ въ шеломъ битый на долю дядьки своего - а тотъ себѣ рѣчь иную ведетъ. Послушай, молвилъ онъ царевичу, ты такъ пожилъ себѣ на свѣтѣ царевичемъ, а я простымъ человѣкомъ есельничимъ, приворотникомъ придверникомъ, комнатнымъ, постельничимъ - а уже тамъ попалъ къ тебѣ въ дядьки; дай помѣняемся саномъ и званіемъ, побудь-ка ты, дядькой моимъ, а я царевичемъ твоимъ; коли мириться на этомъ, такъ ладно; а нѣтъ, такъ я тебя утоплю!

Не топи, сказалъ царевичь, что тебѣ пути будетъ въ томъ, коли изведешь меня?

Самъ же сказывалъ и училъ меня какъ на томъ свѣтѣ Богъ наказываетъ грѣшниковъ; убійцамъ - помнится сказывалъ ты, кисти рубятъ, да деревянной пилой семь вѣковъ шею пилятъ, такъ сказывалъ ты, кажись, бываетъ во тмѣ кромѣшной?

Пилижь ты меня на томъ свѣтѣ, а я тебя на этомъ; отвѣчалъ дядька и сталъ томить царевича. Постой, закричалъ ему этотъ, постой, дядя, побойся Бога; я твой слуга, ты мой господинъ; быть дѣлу такъ, аминь. Не вѣрю, сказалъ дядька, поклянись, что дашь мнѣ своей руки письмо, чтобъ быть тому дѣлу такъ.

Дядька, началъ опять царевичь, да не ты ли меня училъ, что клятва подъ истязаніемъ не клятва, а что слово дѣло великое, а слово царское что стѣна стоитъ? Коли вѣришь слову, такъ вѣрь; а нѣтъ, такъ не пеняй; что я съ тобой дѣлать стану; заставляй писать и прописывать что хочешь. Дядька подалъ Царевичу въ колодезь бересты, и сталъ говорить ему, пиши: «клянусь и обѣщаюсь царскою кровію своею, быть рабомъ вѣковѣчнымъ

дядьки Митрюка, и его признавать царевичемъ своимъ». Такъ проговорилъ дядька; а Царевичь писалъ по берестѣ, подалъ дядькѣ своему, приложивъ Царскую тамгу свою, по нашему печать, либо подпись - дядька вытащилъ его и сталъ разувать и раздѣвать донага и мѣняться одежею и доспѣхами.

Жаль разстаться было Царевичу съ доспѣхами завѣтными - да дѣлать нечего. Отдалъ онъ дядькѣ шеломъ свой съ прилбицей златой, да со гремучимъ змѣемъ, который на серебряныхъ ногахъ изъ витой пружины хитро когтями за гребень шеломный держался и на ходу и на конѣ знай себѣ покачивался; отдалъ и бахтерецъ кольчатый, съ сѣткою изъ граненаго, бѣлаго желѣза; и чеканъ съ насѣчкою, и копье мурзамецкое, и тугой лукъ съ налушникомъ въ мережкахъ и калены стрѣлы тростниковыя, орлиными перьями переныя, съ колчаномъ кованымъ сребромъ и златомъ; а самъ надѣлъ холопскій кафтанъ дядькинъ и поѣхалъ за нимъ слѣдомъ, что стременный за охотникомъ.

Такимъ то побытомъ ѣхали они ѣхали, кто говоритъ близко, кто далеко, кто низко, кто высоко, доѣхали до Пантуева государства, до первопрестольнаго града его, до стѣны высокія, до рѣки глубокія, до мостовъ подъемныхъ, до воротъ суконныхъ. Тутъ дядька Митрюкъ закричалъ зычнымъ голосомъ своимъ: гой ты Царь Пантуй, ты колдуй, не колдуй, отворяй ворота суконныя, берись за ремни ременныя, подымай мосты подъемные; ты думай да гадай, про гостей обѣдъ доспѣвай, за бѣлы руки ихъ принимай, сажай на кресла рѣзныя, кленовыя, за столы дубовые, за постланцы камчатные, ставь на столъ вина печатныя, да пирогъ подавай гора горой, скомороховъ сзывай, да и пиръ затѣвай.

Царь Пантуй, услышавъ о пріѣздѣ великаго и славнаго царевича Карая, сына и наслѣдника сосѣда и пріятеля его Царя Ходора оловяннаго уха, накинулъ багряницу свою черезъ плечо, ухватилъ шапку горностая бѣлаго и побѣжалъ встрѣчать Карая Царевича. Отворялъ онъ

Царь Пантуй ворота суконныя, брался за ремни ременныя, опускалъ мосты подъемные, гостя дорогова встрѣчалъ, за бѣлыя руки бралъ, по стогнамъ градскимъ провожалъ, вводилъ въ палаты свои изразцовыя, на лѣстницы бѣлодубовыя, сажалъ на сѣдалища кленовыя, за столы крытые, готовые, за яства, питья медовыя, за постланцы камчатные, за вина фряжскія, печатныя - а скомороховъ заставилъ пѣть и плясать, дорогихъ гостей забавлять, утѣшать.

Я пріѣхалъ - таково слово началъ Карай Царевичь; а Карай Царевичь этотъ не Карай Царевичь, а просто дядька его, Митрюкъ - я пріѣхалъ, молвилъ лжецаревичь, къ твоей Царской милости, сильный и могучій Пантуй, сватать за себя - а самъ, глянувъ на Царевича, который стоялъ въ дверяхъ косящатыхъ, словно комнатный, оторвалъ рѣчь свою, да перегнувшись, избоченившись, молвилъ Царю Пантую: прикажи, Царь Пантуй, отдать слугу моего, Митрюка, на кухню, въ черновую работу, за то что онъ дорогою

мнѣ крѣпко досаждалъ! Царевича отдали на руки судомойкамъ, да полотерамъ, и самозванецъ продолжалъ: я пріѣхалъ, къ твоей Царской милости, сильный и могучій Пантуй, сватать за себя дочь твою, царевну Церію, про которую много наслышался я, хоть и не былъ еще осчастливленъ лицезрѣніемъ ея - не видалъ ее, то есть, а знаю, говорю, по наслышкѣ, всѣ дѣвичьи доблести ея, слухомъ земля полнится, а про Царевну Церію и въ нашихъ краяхъ, слышалъ я, поютъ: очи сокольи, брови собольи, грудь лебедина, походка павлина.

Съ моимъ удовольствіемъ и радостію, держалъ отвѣтъ Царь Пантуй, съ моимъ удовольствіемъ я отдаю за Карая Царевича, любезнаго сосѣда и пріятеля моего, дочь мою единородную, Церію Царевну. Но только, любезный нареченный зять мой, подъ Царство мое, подъ градъ престольный, подступаетъ войско нечестивое, подступаетъ Царь Калинъ; онъ меня осилитъ, городъ мой выжжетъ, вѣрноподданныхъ моихъ вырѣжетъ всѣхъ до единаго - этобы еще все ничего, да онъ и

меня самаго полонитъ, кровью моею Царскою землю обагритъ, а что будетъ тогда съ нареченною невѣстою твоею, а моею любезною дщерію, съ Царевной Церіей, самъ ты, какъ храбрый витязь, которому воевать, чай, не разъ и не два со славою случалося, знаешь, и учить тебя нечего. И такъ, побей ты Царя Калина, тогда Церія будетъ твоею. А тутъ глядь гонцы уже и наскакали съ повѣсткою, что идетъ де царь Калинъ, ко граду престольному Пантуйскаго царства подступаетъ, войско, словно съ клубка мотаетъ, видимо невидимо раскаты облегаетъ.

Хорошо, молвилъ на это лжецаревичь, хорошо, Царь Пантуй, это все сдѣлать можно; дай срокъ, утро вечера мудренѣе, а хмѣль воды попьянѣе. Мнѣ нѣтъ счастья воевать днемъ; а ночью я все это сдѣлаю.

Самъ же, только что смерклось, вызвалъ изъ черной избы Царевича и сталъ его просить, ему кланяться: Не попомни ты, Царевичь, неучливства моего,

недогадливости; бѣда, видишь самъ, приходитъ общественная поди-ка, да разгони нечестивыхъ, я отдамъ тебѣ тогда и расписку твою!

Царевичь взялъ тугой лукъ, писанный китайскимъ золотомъ; взялъ стрѣлы легкія, переныя перьями орлиными, выѣхалъ за ворота суконныя, за мосты подъемные, за стѣны высокія, за канавы, за рвы глубокіе, тутъ сталъ онъ и крикнулъ: Гой Булатъ-молодецъ, гдѣ-то ты теперь? Здѣсь я! обозвался Булатъ; что службы, сказывай скорѣй! Карай Царевичь указалъ ему на рать Харасанскую, на Царя Калина: Булатъ молодецъ свиснулъ богатырскимъ посвистомъ, крикнулъ: сивка-бурка, вѣщая коурка, стань передо мной, как лѣсъ передъ травой! А конь бѣжитъ, земля дрожитъ, дымъ столбомъ изъ ушей валитъ, изъ ноздрей полымя пышетъ, слѣдомъ только головешки летятъ - паромъ землю устилаетъ, копытами однѣ маковки цвѣточныя задѣваетъ - и сѣли на добрыхъ коней молодцы и говоритъ Булатъ: руби ты, Карай Царевичь, мечемъ кладенцемъ рать

вражескую съ праваго крыла, я съ лѣваго. И пошли писать богатыри наши одинъ съ праваго другой съ лѣваго крыла, и съѣхались на самой середкѣ, гдѣ была ставка Калина Царя и поздоровались; много ли ты побилъ? спросилъ Булатъ молодецъ Царевича. Да какъ заѣхалъ я, отвѣчалъ этотъ, съ праваго крыла, такъ отъ самыхъ сумерекъ до темной ночи билъ я ихъ все по головамъ, все по темени, да по маковкѣ; тамъ отъ темной ночи, до полуночи, когда крикъ подняли, да стали на меня оглядываться, перелобанивалъ я ихъ прямо въ лобъ; а потомъ какъ зря на побѣгъ пошли, билъ я ихъ отъ самой полуночи по затылкамъ, да по широкимъ плечамъ; а теперь, самъ ты видишь, возница почитай на закатѣ, скоро свѣтъ будетъ. А ты, Булатъ, много ли побилъ? Да я, отвѣчалъ этотъ, ни много ни мало, а всѣхъ выбилъ, съ лѣваго крыла начавши, до самой ставки Царя Калина, и, видишь вотъ на самой середкѣ съ тобою съѣхался.

Тѣмъ часомъ Царевна Церія, сидя со страхомъ и боязнію на вышкѣ терема

своего, растворивъ многоцвѣтныя окна свои, видѣла и слышала все, что ни дѣялось ни творилось, видѣла и то, какъ Булатъ молодецъ отслуживъ Царевичу нашему третію службу свою, простился съ нимъ, сгинулъ и пропалъ, пыхнувъ изъ ноздрей коня своего поломемъ, да разостлавшись утреннимъ туманомъ, сизымъ дымчатымъ; какъ Царевичь воротился на широкій дворъ, Царя Калина сворѣ привелъ, что выжлока татарскаго, отдалъ дядькѣ своему Митрюку, самъ доспѣхи скинулъ съ себя ратные, надѣлъ кафтанъ сѣрмяги доморощеной и пошелъ въ избу къ полотерамъ, да къ судомойкамъ своимъ, а лжецаревичь облекся во доспѣхи Царевича, велѣлъ стражѣ приворотной побѣду трубить великую и повелъ къ Царю къ батюшкѣ, къ дорогому ея родителю, Калина Царя, что на сворѣ выжлока татарскаго.

Наутріе, когда Царь Пантуй сталъ праздновать пиръ великій, пиръ на весь міръ, когда лжецаревича на рукахъ носилъ Царскихъ, дарилъ милостями великими, подарочками большими, кольцами

золотыми, перстнями дорогими, крестами серебряными, когда сталъ сажать за столъ единъ мнимаго спасителя со Царевною Церіею и велѣлъ ей съ нимъ слюбиться, да обручиться - тогда Царевна встала, подошла къ Царевичу Караю, котораго ради празднества великаго уже пожаловали было комнатнымъ и блюда со яствами сахарными подавать къ столу приказывали, подошла къ нему и, зардѣвшись подъ долгой фатой, взяла его за руки бѣлыя, сама говорила рѣчи смѣлыя: гой, батюшка ты родитель мой, отецъ дорогой, Царь Пантуй! и вы, вельможи Царскіе именитые, и вы, народъ вѣрноподданный! Вотъ женихъ мой суженый, вотъ нареченный дорогой супругъ, вотъ и спаситель вашъ, и Царевичь благочестивый, а вы самозванцу нечистому, поклонялися, меня за холопа крови холопей, прочили! Я не спала всю ночь на пролетъ, сидѣла въ тайникѣ на вышкѣ терема своего, Богу за васъ, за Царя батюшку молилася, и услышалъ меня Господь велѣлъ видѣть мнѣ на яву, чего вы

во снѣ не видывали, слышать ушами своими, чего вы отродясь не слыхивали.

И когда Царевна повѣдала во всеуслышанье, что видѣла и что слышала она, и стала изобличать лжецаревича въ самозванствѣ его, тогда Царь Пантуй и совѣтъ его Государственный приступили къ нему съ допросами: Гой, рекли они, коли умѣлъ ты красть воровать, умѣй и отвѣтъ держать: кто изъ васъ Царскій сынъ, кто холопій сынъ?

Дядька Митрюкъ вытащилъ изъ за пазухи ветошку свернутую; моталъ ее, развертывалъ и выложилъ письмо руки Царевича берестовое: вотъ, говоритъ, билетъ, пашпортъ мой, въ немъ прописано кто я таковъ на свѣтѣ живу.

И приняли отъ лжецаревича грамоту скорописную, стали читать ее гласно: „объявитель записи сея, плутъ мошенникъ Гарасимъ Панфиловъ сынъ Митрюкъ, дядька Царевича Карая, бьетъ челомъ низменно, по холопьи и спрашиваетъ себѣ казни достойной."

Какъ такъ? закричалъ Митрюкъ: да такъ; иди, хоть самъ читай! отвѣчали ему. Эхъ-ма, молвилъ онъ, почесавъ затылокъ, видно быть тому дѣлу такъ, коли такъ написано - я письмо уставное мямлю маленько, а уже на скоропись эту устарѣлъ, не разберу, не вижу!

Царевича обвѣнчали, по царски честили, на рукахъ качали, дядьку Митрюка на воротахъ было разстрѣляли, да уже помиловалъ его самъ Царевичь и отпустилъ его на свой хлѣбъ, на подножный кормъ, и слышно было, что произвели его, никакъ, въ свинопасы. И жилъ онъ хорошо и смирно, и съ тѣмъ и состарѣлся - незнаю живъ ли нѣтъ ли нынѣ, да только бересты старикъ страхъ не любилъ, и кошеля берестоваго, въ которомъ пастухи хлѣбъ носятъ, не терпѣлъ, не надѣвалъ, и часто за мальчиками гонялся бывало, когда тѣ его изъ за угла зывали: дядюшкой берестой!

А Царевичь пріѣхалъ въ Царство свое, къ отцу батюшкѣ Царю Ходору оловянному уху, и привезъ ему невѣсту, Церію Царевну. А гдѣ долго былъ?

спросилъ царь Ходоръ, куда тебя нелегкая носила? И когда Царевичь разсказалъ царю все, что съ нимъ съ Царевичемъ подѣялось, что сотворилось, и что ѣздилъ онъ и просился на это у Царскаго Величества - тогда царь Ходоръ молвилъ: а мнѣ и не вдогадъ; я, признаться не дослышалъ маленько, чаялъ, ты недалечко куда у меня просился. Я старъ, сынъ, Карай Царевичь, чай скоро Господь по душу пошлетъ, садись-ка, на, за меня на престолъ царскій, сиди да ряди, судъ и правду твори, меня хлѣбомъ корми, благовѣрную Царевну люби, вѣрноподданными своими потѣшайся, а о прочемъ, и пуще о прошедшемъ, не сокрушайся; не дослышалъ я правда, что ты мнѣ говорилъ - ну, да уже гдѣ ни бывалъ, что ни дѣялъ, ни творилъ, для радости нашей все забываемъ, и васъ со престоломъ нашимъ поздравляемъ!